

Спустя некоторое время Цзян Нин, лежавший до этого ничком на столе, тихо выпрямился. Нашупав под партой контрольную по математике, он снова вытащил её на свет. В углу обнаружилась заваливавшаяся ручка; пару раз встряхнув её и расписав на полях, парень убедился, что та ещё работает — несказанно повезло.

Наклонив голову, он принялся вчистую переписывать правильные ответы. Всё равно надо было чем-то убить время.

Морный полуденный свет пробивался сквозь оконное стекло, падая на кривоватые строчки. Вскоре чистый прежде бланк сплошь покрылся мелкими значками.

Когда по коридорам наконец разнеслась привычная трель школьного звонка, ознаменовавшая конец уроков, Цзян Нин с чувством выполненного долга отложил ручку.

В тот же миг телефон в его кармане забрился от пришедшего сообщения.

[лчх: Жду у ворот.]

«Надо же, какая точность, — с иронией подумал Цзян Нин. — Он что, расписание Первой средней школы Линьцзяна наизусть выучил?»

\*\*\*

У ворот.

В алых лучах заката помощник протянул Цзян Нину аккуратный контейнер с едой:

— Молодой господин Цзян, господин Лу уже подал в администрацию заявление о вашем переводе на дневное посещение. Мне приехать за вами после вечерней самоподготовки?

«Лу Чжихань реально считает меня беспомощным калекой?»

— Не стоит беспокоиться, — ответил Цзян Нин. — Тут всего пару остановок проехать, сам на автобусе доберусь.

\*\*\*

Вечерние занятия завершились.

В половине десятого, едва прозвенел звонок, класс мгновенно опустел. Дождавшись, пока последние ученики разойдутся, Цзян Нин неторопливо поднялся, сложил исписанный вдоль и

поперек лист в несколько раз и засунул его в глубокий карман школьных брюк.

Отлично. Извне ничего не заметно.

Довольный собой, он покинул кабинет.

К этому времени город окончательно погрузился в темноту, и массивные ворота Первой средней школы Линьцзяна растворились под мрачным черным небом. Асфальт устилал ковер из пожухлой листвы; даже в жёлтом свете редких фонарей улица выглядела уныло и запустело. По аллеям брели одинокие прохожие, а из приоткрытого окна будки охраны доносилось бубнение радиоприемника.

Автобусная остановка находилась неподалеку. Чтобы срезать путь, Цзян Нин свернул в узкий проулок, ютившийся возле самой школы.

В тесном, зажатом между домами переулке с обеих сторон валился непробранный строительный мусор. Тусклый свет фонаря вытягивал силуэт парня, превращая его в изломанную тень.

В тишине раздавалось только его собственное размеренное шагание. Но стоило пройти пару десятков метров, как Цзян Нин уловил позади странные звуки — сразу несколько человек пытались ступать как можно тише, постепенно сокращая дистанцию.

Преследователи подбирались всё ближе.

Не подавая виду, он выпростал руку из кармана и, скользнув взглядом по куче мусора, подхватил попавшийся под руку обломок деревянной рейки.

Длинный переулок петлял между жилыми домами, разделенными мрачными проемами. Освещение на одном из участков давно перегорело, и там царил непроглядный мрак.

Чжан Шицзе вёл за собой свору нанятых за деньги гопников, вооруженных бейсбольными битами и обрезками стальных труб. Цзян Нин не просто увёл девчонку, которая ему нравилась, но и опозорил его днём на глазах у всего класса. Поэтому Чжан Шицзе твердо решил устроить засаду и проучить дерзкого щенка так, чтобы тот запомнил эту науку на всю жизнь.

Толпа шныряла следом за жертвой, словно гиены. Однако едва они вошли в темную зону, как маячивший впереди силуэт мгновенно растворился во мраке.

— Сука, да где он?! Только что тут был!

— Может, заметил нас, а?

— Чего зассали?! Нас куча, а он один! Крыльями не оброс, не улетит! Шарьте вокруг, ищите, блядь!

Банда рассыпалась по темному переулку, обшаривая каждый угол.

«Цыц...»

Слыша приближающийся топот, Цзян Нин, затаившийся в тени, крепче сжал рейку. Его взгляд случайно зацепился за полусорванную листовку с телефонами экстренных служб, приклеенную к грязной стене.

Достав телефон другой рукой, он набрал указанный номер дежурной части и быстро вбил сообщение:

[В переулке возле Первой средней школы Линьцзяна драка.]

Едва отчёт о доставке мигнул на экране, как неожиданный входящий звонок громкой трелью разрезал тишину подворотни.

— Там он!

— Не ныкайся, сука! Вылезай по-хорошему, может, сильно калечить не буду...

Главарь мелких бандитов даже не успел договорить — ледяной свист воздуха рассек темноту возле самого его уха. Глаза гопника дико расширились.

В следующий миг по его лбу и щеке покатилося что-то густое и горячее.

— А-а-а-а! Мать вашу!!

Дикий, исполненный боли вопль заставил подельников отпрянуть и вцепить пальцы в арматуру, пытаясь защищаться.

Движения Цзян Нина отличались смертоносной точностью. Внешне худощавый и гибкий, он разил без промаха — беспощадно, с жестокой выверкой каждого удара. В непроглядной тьме его глаза горели жутким, диким блеском.

К привычной вонии гниющего мусора и сырой земли примешался тяжелый, металлический запах свежей крови.

Смекнув, что дело дрянь, Чжан Шицзе дал дёру, но не успел сделать и трех шагов —

пропитанная кровью пятерня мертвой хваткой вцепилась ему в затылок и со всего маху впечатала лицом в шершавую, покрытую грязью стену.

Заходясь от ужаса, Чжан Шицзе выхватил из-за пазухи складной перочинный нож и слепо ткнул им назад.

В следующую секунду его руку прожгла адская боль — молниеносный удар ноги выбил лезвие, отправив нож со звоном в темноту.

Парень заверещал нечеловеческим голосом, когда его щеку размазали по грязной земле. А затем он встретился взглядом с Цзян Нином — и этот взгляд стал самым жутким из всего, что ему приходилось видеть в жизни. Никаких правил, никаких рамок — лишь ледяное, бездонное безумие.

В памяти Чжан Шицзе вспыхивающим клеймом всплыли дневные слова Цзян Нина:

«Сунешься ко мне ещё раз — пожалеешь, что на свет родился.»

...

В переулке вновь воцарилась тишина.

Окинув взглядом тела разгромленных гопников, валявшихся вповалку, Цзян Нин отбросил расщепленную в щепки рейку. И едва адреналин отступил, как всё тело охватила ноющая, дикая боль.

Сука... Как же больно-то.

Он поморщился и сжал ушибленное плечо.

Долбоебы проклятые.

Злость всё ещё кипела в груди, поэтому он с чувством вломил ещё пару пинков Чжан Шицзе, который притворялся мертвым на земле.

В этот момент со стороны улочки раздался топот тяжелых ботинок. Яркие лучи фонарей слепящими снопами ударили прямо в глаза.

— Стоять! Всем оставаться на местах! Руки так, чтобы я их видел!

Протяжно заверещали полицейские свистки.

Двое патрульных подскочили к нему и заломали руки единственному, кто вообще стоял на ногах. Оценив школьную форму на задержанном, один из них прорычал:

— Совсем щеглы страх потеряли! Вместо того чтобы учиться, по подворотням кровавые бойни устраивают!

Тупая боль в лопатке, куда пришелся удар стальной трубой, от грубого захвата вспыхнула с новой силой. И словно по цепочке, заныло буквально всё тело.

Черт, вот ведь не повезло. Знай он заранее — тоже лег бы на землю и притворился кочерыжкой.

\*\*\*

Цзян Нина доставили в ближайший участок полиции. Офицер, оформлявший протокол, сидел напротив с каменным лицом.

Пробежав глазами заполненный бланк, полицейский поднял взгляд:

— А где адрес проживания? Данные опекунов?

— Нету.

— Как это «нету»? Ты что, сирота?

— Нет.

Полицейский нахмурился и со всей силы стукнул ладонью по столешнице:

— Ты думаешь, ты в школе, а я тут с тобой в бирюльки играю?!

Цзян Нин ничего не ответил. Он лишь молча разглядывал блестящие стальные браслеты на своих запястьях.

— Ладно, молчи дальше, заставлять не буду, — полицейский поднялся из-за стола. — У меня и без тебя дел хватает. Созрешь поговорить — позвешь.

Тяжелая железная дверь захлопнулась с гулким лязгом.

Ночью в участке было намного холоднее, чем днем. Пронизывающий сквозняк без труда

пробира́л сквозь тонкую ткань формы, впиваясь в самые кости.

Постепенно боль в избитом теле притупилась, сменившись оцепенением. Цзян Нин бросил взгляд на настенные часы: стрелки показывали ровно десять вечера.

В кармане зажужжал телефон. Извиваясь из-за скованных рук, он кое-как выудил аппарат.

[лчх: Ты где?]

Сжимая корпус смартфона, Цзян Нин вспомнил договор, который его заставил подписать Лу Чжихань. Кажется, там был отдельный пункт о запрете на драки...

А он мало того что устроил побоище, так ещё и загремел в ментовку...

[Цзян Нин: Передумал возвращаться. Ложись спать, не жди.]

[лчх: В чем причина?]

[лчх: Если тебя что-то не устраивает, скажи прямо.]

Раздраженно цыкнув, парень отстучал короткое: [Да всё нормально], после чего выключил экран и без сил откинулся на спинку металлического стула.

Ледяное железо больно въедалось в ушибленную спину, возобновляя приступы ноющей боли.

Ему оставалось только разглядывать снующих туда-сюда посетителей дежурки. Кто-то устраивал скандал из-за семейного насилия и развода, кто-то буянил после пьянки в местном баре, у кого-то вытащили кошелек или телефон — сумасшедший, бесконечный балаган.

Спустя некоторое время в дверях появилась знакомая фигура — утренняя женщина. Мать Чжан Шицзе.

Заплаканная, с перекошенным от ужаса лицом, она мертвой хваткой вцепилась в дежурного полицейского:

— Товарищ офицер, где мой сын?! Где мой мальчик?!

— Он внутри, даёт показания. Присядьте пока, успокойтесь.

— Какое успокойтесь?! Мой сыночек такой пугливый, такой тихий! Это же какая-то ошибка!

Он отличник, он никогда бы такого не сделал!

Вдруг её взгляд упал на Цзян Нина, сидящего за решеткой в наручниках. Женщину словно током ударило, и она рванулась прямо к нему:

— Это он! Это всё этот выродок устроил!

Она залепила пальцы в железную решетку, потрясая прутья и визгливо запричитала на весь участок:

— Это ж каким дрянным отродьем надо быть, чтобы собственная семья тебя вышвырнула на улицу после пятнадцати лет воспитания?!

Её истошный вопль прорезал гул дежурки, и все присутствующие единодушно обернулись.

Под десятками чужих, любопытных и осуждающих взглядов Цзян Нин оцепенел. Этот визг словно силой втащил его в чужой грязный фарс.

— Всё, хватит! Заткнитесь! — дежурный оттащил женщину в сторону. — Пойдемте со мной. Ещё один крик — и я оформлю вас за препятствование работе сотрудников полиции!

Скандалный шум затих, а устремленные на него взгляды постепенно рассеялись.

Цзян Нин прикрыл глаза. Навалилась такая тяжелая, непроглядная усталость, какой он не чувствовал еще никогда.

Внешние звуки перестали доходить до его сознания. Он чувствовал себя утопленником, в легких которого не осталось ни капли воздуха — человеком, который перестал бороться и просто камнем уходил в ледяную бездну.

И когда погружение в эту темную пучину казалось уже неизбежным, сквозь толщу воды пробился чистый, бархатистый голос, вытащивший его обратно на поверхность:

— Здравствуйте, офицер. Я опекун Цзян Нина.

<http://bllate.org/book/19724/1942918>